

прошение с обязательством «подчиняться университетским правилам», то есть примириться со всем тем, против чего выступали студенты. Да это же себя не уважать...

Решение откладывается, а тем временем Волошин вместе с матерью и дочерью П. П. Теша – Евгенией собираются за границу. Макс предстоит впервые пересечь границу, посетить Италию, Швейцарию, увидеть Берлин и Париж. Два года студенческой жизни в Москве, как позже оценил их поэт, оставили у него «впечатление пустоты и бесплодного искания». Нужны были новые впечатления, иной масштаб познания мира. «Родина духа» раздвигала свои пределы. Памятуя мысль Чехова, брошенную им при личной беседе, что «учиться писать можно только у французов», Волошин устремляется к своим новым литературным учителям и школам. Ему двадцать два. «И мир, как море пред зарёю...»

ТУДА – В ПРОСТРАНСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО МИРА...

Ты будешь Странником
По вещим переputьям Срединной Азии
И западных морей,
Чтоб разум свой ожечь в плавильных горнах знания...

Подмастерье

Собирались в дорогу. Строили планы. Составляли маршрут. Изучали «немецкие Бедекеры, особенно Швейцарию». В пути Макс намерен усиленно заниматься немецким языком. От Яши Глотова в августе 1899-го приходит известие, что в университет Волошин может быть принят лишь осенью 1900 года. Что ж, прекрасно, оценивает ситуацию бывший мятежник, ведь теперь «можно будет остаться за границей до следующего августа».

Наконец, в путь. Из Коктебеля – в Феодосию, затем – несколько дней в Киеве, с посещением собора Святого Владимира. И вот уже пересечена граница с Австрией. «Вдруг мелькнул перед окнами вагона столб и около него австрийский часовой в кепи». Вечером 6 сентября приехали в Краков. «Утром мы побежали смотреть город: старый, красивый, зелёный, на каждом шагу отдающий польским средневековьем». Вечером – отъезд в Вену, где предстояло пробыть четыре дня. Вена «привела в неистовый восторг. Слепляли и её нарядные улицы своей непривычно европейской внешностью, магазины своей роскошью, и громадные здания, и особенно, конечно, картины и памятники» (из письма И. Х. Озерову). Следующий пункт назначения – Венеция. «Первое впечатление так ошеломило, что нервы как-то совсем притупились...» В четырёх строчках (позднее превратившихся в двадцать) выражены его ощущения от города, которому суждено было быть воспетым В. Шекспиром и Ф. Шиллером, Д. Г. Байроном и Т. Готье, Г. Джеймсом и Э. Хемингуэем, А. Блоком и Н. Гумилёвым, Б. Пастернаком и О. Мандельштамом:

Венеция – сказка. Старинные зданья
Горят перламутром в отливах тумана.
На всём бесконечная грусть увяданья
Осенних тонов Тициана.

Впрочем, в записной книжке поэта фиксируются и весьма прозаические факты: в Лугано «взяли абонементный билет по Швейцарии» на месяц. Мы узнаём, что стоило это 65 франков. А вот и другие данные:

Альпеншток 4 фр.
Сапоги с гвоздями 15 фр.
Тирольская шляпа 5 фр.
Швейцар. сыр 1 фр. 25 сант.

За то, что не обедали, 50 сант.

Скандал в гостинице 10 фр.

Тоже своего рода стихи. Непонятно только, почему нежелание пообедать оценивается в 50 сантимов, кому их надо платить, кто и по какому поводу устроил скандал в гостинице. Ну да это всё мелочи быта, заглушаемые настоящей музыкой названий городов: Краков, Вена, Венеция, Верона, Милан, Лугано, Цюрих, Берн, Женева, Локарно, Базель, Париж, Берлин... Мелькали в окнах поезда, уносились в ночь города и станции, но оставались в памяти шедевры архитектуры, музеи, разноликие потоки людей, заполнявших кафе и бульвары. Волошин делает наброски этих лиц, воссоздаёт силуэты прохожих, вживается в атмосферу искусства и поэзии, проникается чувством истории.

Воображение Макса поражает ущелье *Via mala* (дурная дорога – ит.) в Швейцарии, в долине Западного Рейна, недалеко от селения Тузис. Ему вспоминаются Гауптман, любимая драма-сказка «Потонувший колокол», очаровательное существо из мира фей, невольно вырываются строки:

Там с вершин отвесных
Ледники сползают,
Там дороги в тесных
Щелях пролегают.
Там немые кручи
Не дают простору,
Грозовые кручи
Обнимают гору.
Лапы тёмных елей
Мяжки и широки,
В душной мгле ущелий
Мечутся потоки.
В буйном гневе свирепея,
Там грохочет Рейн.
Здесь ли ты жила, о фея –
Раутенделейн?

От стихов – к изложению в прозе: «Дальше пошли яркие и прекрасные швейцарские впечатления: и Рейнский водопад, и Люцерн, и Пилат, и Гисбах, и Интерлакен, и Леман, и долина Роны с Симплонской дорогой и большим Алеттским глетчером, куда я взбирался один». Миланский собор «превзошёл все ожидания». Женевское озеро восхитило.

В Париже поселились в самом центре Латинского квартала. Естественно, сразу же направились в Лувр. Парижу ещё предстоит войти в жизнь Волошина и на какое-то время заполнить её целиком. Пока же он ввергает поэта в «состояние какого-то полного одурения. Всё так громадно, широко, людно, изобильно, что голова кружится». Макс пробыл в Лувре два часа, рассматривал картины Мурильо, Рубенса, Рафаэля, Леонардо, «снизу вверх» созерцал Венеру Милосскую. Оказалось, что к встрече с подобным искусством он ещё не готов. Впоследствии Волошин напишет: «В первый раз попавши за границу 21 года от роду, я ходил по картинным галереям совершенным дикарём и наивно удивлялся: „Какую ерунду писали эти старые мастера, то ли дело наша Третьяковка!“... Это было естественное следствие живописи передвижников, на которой я воспитался. И возненавидел же я их спустя несколько лет за эти патриотические бельма!»

Античным статуям и полотнам эпохи Возрождения Волошин предпочитает «современные мраморы» Люксембургского музея – скульптуры А. Шапю, Д. Пуэ, Э. Фремье и т. п. Нагулявшись по аллеям Люксембургского сада, поэт не забывает отправить Вере Нич в Феодосию открытку с изображением памятника живописцу Антуану Ватто – тем более что это «недалеко от места моего жительства». Несколько дальше – Монмартрское кладбище,

куда Волошин пришёл поклониться могиле Генриха Гейне.

15 ноября – отъезд из Парижа в Берлин. Но сначала – Кёльн, осмотр Кёльнского собора, и вновь – извержение чувств: «Вся Германия с её сказками и песнями, историей и поэзией нахлынула и охватила меня...» В Берлине остановились у Вениамина Людвиговича Гауфлера, бывшего феодосийского гимназиста, талантливого пианиста. Именно Гауфлер водит Елену Оттобальдовну с Максом по Берлину, показывает достопримечательности. Здесь же и Александр Пешковский. Чуть позже сюда приезжает Павел Павлович Теш.

А тем временем профессор Озеров, находясь в Москве, советует в письме Максиму остаться в Берлине, взяться там за учёбу, а также читать «газеты всех направлений», посещать митинги, «высасывать из Запада всё, что можно высосать». Макс отчасти следует этому совету: посещает лекции в университете и собрания социал-демократов. Он уже вполне «примирился с Берлином». Как он и полагал, «жизнь здесь дешева необыкновенно и замечательно удобна», хотя Париж уже вошёл в его плоть и кровь – «Париж я никогда не забуду».

В середине декабря Елена Оттобальдовна с Павлом Павловичем отбывают в Москву. (Евгения Теш покинула компанию раньше.) Макс же никуда не торопится. В канун Сочельника, надев «новую пару», он отправляется на званый вечер. В новогоднюю ночь прохаживается по Фридрихштрассе, наблюдая народное гулянье. При этом поэт, как и намеревался, пытается овладеть немецким; с этой целью читает немецкие книги, а также газету «Форвертс», на которую подписался. Ему хочется подробнее осмотреть берлинские музеи, съездить в Дрезден. Но время начинает поджимать. Надо в конце концов определяться с учёбой. Если уж Московский университет – то филологический факультет. «В сущности, все мои интересы направлены именно в сторону истории, искусства и литературы, а никак не права», – пишет он матери. Он согласен подать прошение – только без просьбы о прощении. Успев поучаствовать 12 января (старого стиля) в праздновании Татьянина дня в одной берлинской пивной (в числе двенадцати москвичей, распевавших там студенческие песни), Волошин наконец возвращается в Москву.

Вроде бы и соскучился загостившийся в Европе юноша по Москве, да, видно, уже эстетическая шкала сместилась; впечатление от Белокаменной было удручающее. Да и какая она – белокаменная. «Москва – серая, грязная, приплюснутая к земле», – пишет он в Керчь Галабутскому. Да, зажился человек на Западе... Впрочем, сейчас не до городских картин. Макс встречается в университете с инспектором, и, судя по всему, обе стороны приходят к взаимопониманию, о чём Волошин сообщает А. М. Петровой 27 февраля 1900 года: с инспектором «сошлись на том, что я, в случае наступления новых беспорядков, в которых я сочту своим долгом принять участие, сам подам прошение об увольнении и уеду за границу». Чувствуется, однако, что мыслями он далеко от университетских аудиторий: «Много занимаюсь историей искусства, которую изучаю систематически, а кроме того, добываю деньги для летнего путешествия в Италию: пишу рецензии в „Русскую мысль“ о разных романах». Какая уж тут учёба, если студент только что понял: «мир широк и прекрасен...»

Кстати, о рецензиях. Одна из них называлась: «Италия – страна развалин». Её тема – книги рассказов М. Серао и Дж. Роветты (в переводе А. Веселовского). Сказать по этому поводу нечего, кроме того, что Макс, похоже, всерьёз настроился на поездку в Италию. А вот два других выступления Волошина в печати не столь невинны.

Его рецензия на сборник «Книга раздумий» носит прямо-таки разгромный характер. А ведь участники его, шутка ли сказать, К. Бальмонт, В. Брюсов, И. Коневской (Ореус). Именно их-то и характеризует беспощадный критик как «прелюбодеев слова». Да уж, недоучившийся студент взялся за дело всерьёз, сделав решительный выпад в сторону набирающего популярность символизма. Отметим всё же, что в дальнейшем Волошин будет в своих статьях и рецензиях выражаться мягче. А Бальмонту досталось ещё раз. Макс высказывает сомнения в качестве его переводов Гауптмана (статья «В защиту Гауптмана»). Сразу же оговоримся, что врагом рецензента маститый поэт (впрочем, тогда ещё не такой уж

и маститый) не станет. Напротив, в Париже их будет связывать весьма трогательная дружба.

Ну а пока что Волошин отправляет прошение на имя ректора Московского университета. Его восстанавливают, и, сдав в мае экзамены, Макс переходит на третий курс юридического факультета. Однако он по-прежнему остаётся под наблюдением полиции, которая внимательно следит за его высказываниями, вскрывает некоторые из его писем. Нетрудно было убедиться, что надлежащих выводов поднадзорный школяр не сделал.

А школяр между тем, радуясь теплу и вольному московскому воздуху, готовится ко второму своему заграничному путешествию в компании с друзьями: Леонидом Кандауровым – студентом-естественником, талантливым физиком и астрономом, знавшим толк и в живописи, князем Василием Ишеевым – студентом-юристом и Алексеем Смирновым – также юристом, с которым Макс не был до этого знаком и который как-то незаметно исчезнет из дневника путешествия.

26 мая 1900 года молодые люди выезжают из Москвы и сразу же заводят путевую тетрадь, куда обязуются поочередно вносить свои впечатления. Так возникает любопытный документ под названием «Журнал путешествия, или Сколько стран можно увидеть на полтора рубля», полный доброго юмора, юношеского жизнелюбия и проницательных наблюдений. Как явствует из подзаголовка, у каждого путешественника было всего 150 рублей, а посетить предстояло Австро-Венгрию, Германию, Швейцарию, Италию и Грецию. Но ограниченность в средствах никого не смутила, ибо гид компании по прозвищу Макс де Коктебель уверял своих друзей и собственную мать в том, что, расходуя по два франка в день, «останавливаясь на постоянных дворах и в ночлежных домах и питаясь преимущественно хлебом, молоком и другой примитивной пищей, этого хватит может свободно».

Участники экспедиции выработали «узаконения», которым надлежало неукоснительно следовать в пути. Вот некоторые из них:

«В пути и остановках право всегда большинство, в случае равенства голосов права слабейшая сторона. Примечание: Макс обязуется продавать свой голос за 50 сант. на каждые 5 километров пути.

Разделение по вопросу о еде нежелательно.

О часе вставания решается каждый раз вечером на основании ст. 1.

Штраф 50 сант. за бесосновательное бужение товарищей.

Всякий героический поступок вознаграждается 2 фр. по решению кликом.

Вносятся на общие расходы путешествия по 150 руб.

Посещение галерей и пр. учреждений записывать на счёт каждого.

В чрезвычайных ситуациях избирается диктатор кликом...»

27 мая 1900 года приступили к проведению в жизнь этих и подобных им принципов.

В Варшаве путешественники посетили Саксонский сад, один из красивейших парков в Европе. Не желая разделяться «по вопросу о еде», они приобрели булку, которую продавщица оценила в 8 ½ копейки, сдав с гривенника полторы копейки. Не успев по достоинству оценить честность и аккуратность польских булочниц, друзья столкнулись с новым математическим курьёзом: за три порции простокваши с них взяли 29 (!) копеек, сумму, не поддающуюся делению на три. За всем этим как-то на периферии остался тот факт, что в Саксонском саду видели короля Франца-Иосифа (или, может, померещилось...).

И дальше путешествие протекало в том же ключе: восторг перед красотами природы и шедеврами искусства одновременно с удивлением по поводу некоторых материальных сторон бытия. Вена – высокие дома, остроконечные черепичные крыши, музыка из окон, собор Святого Стефана и погребок по соседству, где, по утверждению гида Волошина, вино продавалось по той же цене, что и 500 лет назад. Отведав вина, компания погрузилась на пароход и получила возможность насладиться зрелищем «голубого Дуная», который на поверку оказался грязно-жёлтого цвета. Впрочем, это обстоятельство не поколебало поэтического воодушевления Макса:

Свежий ветер. Утро. Рано.
Дышит мощная река.
В дымке синего тумана
Даль прозрачна и легка.
В бесконечных изворотах
Путь Дунай прорезал свой
И кипит в водоворотах
Мутно-жёлтою волной.
Уплывают вниз селенья,
Церкви старые видны,
Будто смутные виденья
Невозвратной старины.
И душа из тесных рамок
Рвётся дальше на простор...
Вон встаёт старинный замок
На зубчатом кряже гор.
Эти стены полный ласки
Обвивает виноград.
Как глаза трагичной маски,
Окна впалые глядят.
И рисуется сурово
Их зловещий силуэт,
Как забытого, былого
Грозный каменный скелет.

Да, здесь уже узнаётся зрелый Волошин, поэзию которого Вячеслав Иванов назовёт «говорящим глазом».

Так рождалась книга стихов «Годы странствий», материал для которой поставлял каждый час путешествия. В Мюнхене молодые люди отведали пива, долго гуляли по улицам, переночевали в ночлежном доме Евангелического общества за 30 пфеннигов, на другой день посетили Мюнхенский собор и галерею Шак, где были выставлены картины А. Бёклина. Ночевали в гостинице. Затем – Новая Пинакотекa, где самое большое впечатление произвели картины Г. Макса «Катрин Эмерих» и «Пашня в горах» Д. Сегантини, выполненная в импрессионистическом ключе. В Максе же Волошине проснулся искусствовед. Он пишет: «Мне казалось, что я вижу не картину, а просто окошко, прорубленное в стене... Краски её не были неподвижными... тонкие струйки теплого воздуха, не переставая, переливались, трепетали, и чёрные борозды пашни дрожали от их движения». Сколько ещё появится таких вдумчиво-личных эссе, написанных со знанием дела... Что же касается Мюнхена, то он, по определению Волошина, представлял собой «сочетание пива, картинных галерей, греческих колоннад и немецкой старины».

Приехав в Мургау, путешественники три часа ждали поезда до Обераммергау, куда прибыли только в одиннадцать вечера. Ночевали на сеновале. В этот городок, точнее, селение путники попали не зря. Здесь ожидалось представление мистерии (ведущий жанр средневекового театра), встать пришлось в пять утра, но билеты достали только на следующий день. Чтобы поставить в дневнике «культурную галочку», поднялись на ближайшую гору с крестом на вершине.

«Мистерии страстей Господних» разыгрывались местными жителями раз в десять лет, так что гостям из России повезло. Любопытен был и состав исполнителей: роль Христа исполнял гончар, Пилата – бургомистр, Иуды – маляр. По окончании представления театровед-Макс сделал выводы: «Знаменитые мистерии... утратили всю свою первобытную наивность, а действительной художественности не приобрели».

Вечером друзья вновь отправились в путь, под проливным дождём, на Оберау, откуда

доехали поездом до Гармиша. Ночевали у местного столяра. Волошин подмечает все детали путешествия: спустились лесной тропой к деревне Обстег, перекусили картофельным салатом с сыром и плохим пивом. В деревне Хабахен, попив молока, заночевали в лавке на полу. Гримасы быта, неудобства ночлега – кого они волнуют в студенческом возрасте. Зато идёшь по альпийским лугам, пересекаешь снежные перевалы, любишь горы и ледниками с опустившимися на них облаками. А впереди ещё Италия...

12 июня в 16 часов 30 минут неунывающие странники «вступили на итальянскую территорию». Под вечер, совершив за день неслыханный марш-бросок, пришли в Бормио (1225 метров над уровнем моря). Небольшой городок вблизи границ трёх государств – Италии, Швейцарии и Австро-Венгрии, попасть в который оказалось возможно, только преодолев гигантский перевал (40 километров длиной с подъёмом в 3 версты). У Макса разболелось ахиллово сухожилие. Но и это нестрашно. Можно немного передохнуть на озере Комо.

А дальше началось самое главное. Милан с его готическим собором (Диомо) и картинными галереями (Брера и Амброзиана), где Волошин встретился с произведениями Леонардо да Винчи и Рафаэля, Мантеньи и Сассоферрато. Генуя, «дикий город, нелепый и вместе с тем бесконечно прекрасный», с его улицами-щелями «между бесконечными каменными громадами» и «великолепным» морем. Флоренция, где путешественники вновь погрузились в океан искусства – живописи и зодчества: собор Санта-Мария дель Фьоре с его восьмигранным куполом работы Брунеллески и палаццо Веккио с его коллекцией тосканской живописи и скульптуры, дворцы Уффици и Питти, знаменитые своими картинными галереями, творения Рафаэля и Боттичелли, Тициана и Рубенса, Рембрандта и Мурильо, Микеланджело и Донателло, церковь Санта-Кроче с фресками Джотто (место погребения Данте, Микеланджело, Галилея). Джотто порастил поэта «своей суровой красотой». У Волошина крепнет желание «посвятить себя истории искусства, бросив постылое изучение права».

Конечно, не миновали и Пизу. В Пизанском соборе поэт думал о Галилее, некогда открывшем здесь изохронность качаний маятника. Поднимались на «Падающую башню» собора. Побывали на берегу моря. Где-то здесь в 1822 году утонул английский поэт-романтик Шелли.

И, наконец, Рим, где дышат историей Форумы и Колизей, где поражает своей величием собор Святого Петра. Посетили музей скульптур Ватикана, поднимались на Яникульский холм. «Вечный город! – восклицает Волошин. – Я впервые ощутил его веянье только теперь, в этом старинном дворце, чувствуя под собой сонный трепет спящего города...» Пантеон, галерея Академии Святого Луки, Капитолийский холм и Дворец консерваторов, Аппиева дорога. Много всего было, а главное – впечатлений. Но в поэтическом наследии Волошина от всего этого останутся только два стихотворения: «На Форуме» и «Ночь в Колизее». В последнем, так и не вошедшем в первый поэтический сборник, Макс Волошин использует мало характерный для него приём профанации – «снижения» истории с помощью юмора:

Спит великан Колизей,
Смотрится месяц в окошки,
Тихо меж чёрных камней
Крадутся чёрные кошки.
Это потомки пантер,
Скушавших столько народу,
Всем христианам в пример.
Черни голодной в угоду.
Всюду меж чёрных камней
Чёрные ходы. Бывало,
В мраке зловещих ночей

Сколько здесь львов завывало!
Тихо... Подошли все львы,
Смотрится месяц в окошки.
Смутно чернея средь тьмы,
Крадутся чёрные кошки...

Но в целом Вечный город настраивал на серьёзно-возвышенный лад: Античный храм, Пантеон с гробницей Рафаэля, Капитолийский музей с богатейшими коллекциями древнегреческого и древнеримского искусства, многочисленные дворцы, соборы, картинные галереи... «Здесь пьедесталы колонн, / Там возвышается ростра, / Где говорил Цицерон / Плавно, красиво и остро». Особое впечатление на поэта произвёл Тиволи, небольшой городок неподалёку от Рима, излюбленное место отдыха древних патрициев. Чуть позже он напишет:

Зацветшие мраморы старых террас,
Разросшийся плющ на пороге...
В таинственных гротах одетые мхом
Забытые старые боги...

Неаполь. Национальный музей. Помпейская живопись, ставшая для Волошина «целым откровением». Позднее в письме к Пешковскому, делясь впечатлениями от древнеримской живописи, поэт отмечал, что она «гораздо ближе к нашей современной, чем живопись Возрождения», которую он ставил ниже. При этом молодого художника поражала в античной живописи «та простота отношений ко всем проявлениям и отправлениям человеческой жизни, которая совершенно чужда нам». Этой естественности и непосредственности жизненных проявлений Волошин будет придерживаться в своей коктейбельской «колонии».

Конечно, можно было бы ещё рассказать о том, как путешественники осматривали картинную галерею Ватикана, станцы² Рафаэля и Сикстинскую капеллу, как Волошин с Кандауровым любовались Римом с Палатина³, поведать о том, как князь Ишеев, получив перевод в 80 рублей, купил себе новые брюки, тем самым сократив общий бюджет «на один день существования» и вызвав небывалый гнев Макса де Коктебеля, но для этого понадобился бы отдельный том, целиком посвящённый «путевым заметкам». Перенесёмся сразу в 18 июля 1900 года, день прощания с Италией.

Через Адриатическое море путь лежал в Грецию. «До сих пор отношения мои с ней были очень разнообразны и совершенно неопределённые, – пишет Волошин. – В детстве – книжки с греческими мифами и легендарными рассказами из греческой истории были моим любимым чтением. Тогда я, кажется, более всего и любил её. Но когда на фабрике благонамеренных подданных усердные педагоги стали тщательно замазывать мои мозги всякой пресной классической замазкой, приготовленной из вечно юных песен Гомера, наивно простых записок Ксенофонта и грандиозно прекрасных мыслей божественного Платона, из которых тщательно было вытравлено всё живое и всякие мысли... – тогда во мне пробудилось сильное чувство самосохранения и траурная завеса опустилась над прекрасным греческим миром».

Первые впечатления от непосредственного знакомства со страной путешественников не

² Роспись помещений Ватикана.

³ В Древнем Риме первый из семи холмов, на которых стоял город; был средоточием исторических святынь, где показывали пещеру римской волчицы, хижину Ромула, алтари древних курий; впоследствии стал кварталом богачей и знати. – Ред.

вдохновили. Как отметил князь В. П. Ишеев, «Греция... поразила нас своей бедностью и дикостью». Однако развалины древнего Коринфа, овеянный мифами Парнас, храмы Парфенон и Эрехтейон не могли не взволновать душу. Архитектурный ансамбль Акрополя наводил на мысль об уязвимости и обречённости красоты, невосполнимости былого величия.

Серый шифер. Белый тополь.
Пламенеющий залив.
В серебристой мгле олив
Усечённый холм – Акрополь.
Ряд рассеченных ступеней,
Портик тяжких Пропилей,
И за горами камней,
В сетке лёгких синих теней,
Искры мраморных аллей...

«Станным кажется, – рассуждает Волошин, – как этот белый, хрупкий мрамор, местами облитый бронзовым оттенком, точно загорелый от солнца, мог ещё настолько сохраниться до нашего времени. Когда глядишь сверху на уцелевшие арки римского театра, то невольно сравниваешь эту мощную практичность Рима с хрупкостью Греции, красота которой так легко исчезает от одного грубого прикосновения варвара».

Луч заката брызнул снизу...
Над долиной сноп огней...
Рдеет пламенем над ней он –
В горне бронзовых лучей
Загорелый Эрехтейон...
Ночь взглянула мне в лицо.
Черны ветви кипариса.
А у ног, свернув кольцо,
Спит театр Диониса.

Между тем путешествие подходило к концу. Последним его пунктом был Константинополь, где не обошлось без приключений. Друзья были задержаны турецкой полицией. Протаскав «целый день по разным полицейским присутствиям», странных русских отвели в русское Пантелеймоновское подворье. Почему? Зачем? История умалчивает. Во всяком случае, это была последняя запись, сделанная Кандауровым в «Журнале путешествия».

Но всё обошлось. На пароходе Русского общества заматеревшие европейцы прибывают в Севастополь. И начинается круиз по знакомым: к Вяземским в их имение Еленкой, в Балаклаву на встречу с Глотовым, в Феодосию к Александре Петровой. Туда же приезжает и Елена Оттобальдовна. Волошин фотографируется с обеими женщинами – в «странническом» костюме: берет, накидка, широкий кожаный пояс, посох. Макс навещает в Керчи Ю. А. Галабутского. Опять же фотографируется с ним. Поэт, журналист, путешественник. Не впору ли возомнить о себе? Да нет, похоже, у Макса действительно неплохая прививка. К тому же не на всех он производит «сногшибательное впечатление».

Примерно к этому времени (август 1900 года) относятся воспоминания известного поэта Юрия Константиновича Терапиано о том, как восьмилетним ребёнком он слушал стихи Волошина. Юра мечтал увидеть «настоящего поэта», а перед ним оказался низкий и толстый человек во фраке, похожий на помещика средней руки или купца. «Единственное „необычное“ в его облике – длинные волосы – совсем не гармонировали с лицом толстяка. – Это поэт? Волошин стоял около колонны и смотрел на танцующих, рядом с ним другие почтенные гости любовались танцами...» На другой день гимназист Терапиано (тогда ещё –

Торопыжно) произнесёт категоричную фразу: «Не люблю современных поэтов». Пройдёт три года (или чуть больше), Юра несколько повзрослеет, прочтёт «явно и тайно множество книг», откажется от «детских представлений о поэтах». Он узнает о даче Волошина, находившейся недалеко от Феодосии, в Коктебеле: «Туда приезжают поэты из Москвы и Петербурга, читают стихи, ходят в греческих хитонах, чудачествуют».

Дело в том, что имение его матери – «Темеш» – находилось недалеко от Феодосии. И вот однажды будущий поэт русского зарубежья с приятелем «решили поехать верхом в Коктебель – посмотреть на пляж (коктебельский пляж славился в округе), а заодно – понаблюдать за „Волошинской дачей“». И что же? «...нам удалось полюбоваться необычайным зрелищем: впереди, в каком-то полумужском кафтане, в шароварах, шествовала Волошина-мать, ведя свой велосипед. За нею выступал сам поэт, действительно в эллинском хитоне и в сандалиях (хитон и сандалии шли к его львиной гриве гораздо больше, чем фрак), затем ещё несколько человек, мужчин и женщин, кто в хитоне, кто в обыкновенном платье, а шествие замыкали две молодые девушки в белом – „дочери московского профессора, Ася и Марина Цветаевы“, как объяснили нам любезные коктебельцы».

Юра Терапиано и предположить тогда не мог, при каких обстоятельствах доведётся ему встретиться с «дочерью московского профессора»: «Бедная Марина Ивановна, оказавшаяся почти в полном одиночестве в Париже, а на родине покончившая самоубийством! Мог ли я знать тогда, что нам суждено будет встретиться в Париже, враждовать и литературно и лично в силу сложившихся обстоятельств, затем – помириться, перед самым концом, – в последний раз я видел М. Цветаеву за несколько дней до её рокового отъезда в Россию».

И всё же вернемся в самое начало XX века. К событиям комическим и вместе с тем – драматическим. Через три недели после высадки в Севастополе Макс Волошин был арестован в Судак и доставлен в московскую Басманную часть. Согласно укоренившейся легенде, в полицейском департаменте считали, что поэт принадлежит к «тайной студенческой организации», занимается распространением манифеста Карла Маркса и что вообще от него можно ожидать любых неприятностей.

В заключении Волошин провёл две недели. Однако, судя по воспоминаниям Фёдора Арнольда, он не пал духом, «сочинял стихи и пел их, ходя по камере. Его весёлость и выдумки были непостижимы. Жандармы вызвали его мать... и допрашивали её о причинах весёлости сына. Когда она ответила, что он всегда такой, они посоветовали скорее женить его, предполагая, очевидно, что женитьба – самое верное средство от излишнего веселья».

У Волошина же были иные планы. После того как его выпустили из тюрьмы, параллельно исключив из университета, лишив права поступления в высшие учебные заведения России и проживания в столицах и крупных городах, поэт во избежание дальнейших неприятностей принимает предложение друга детства инженера В. О. Вяземского и отправляется в Среднюю Азию на изыскания трассы Ташкентско-Оренбургской железной дороги.

Севастополь. Батум. Тифлис. «Ледяная цепь Кавказских гор». Всё очень красиво, экзотично. И вдруг: Баку – серый, ужасно тоскливый город. Поразило «бесконечное избиение рабочих-татар со стороны всех, кто только может». Дальше – Красноводск (мало что говорящее название). «Голые скалы и мёртвая пустыня, подступившая к самому Каспийскому морю». Оттуда – поездом в Асхабад. Туркестанское генерал-губернаторство. И наконец Ташкент. Город, где полно ссыльных вплоть до вице-губернатора, замешанного в деле Дмитрия Каракозова, и практически нет жандармов, так что ссыльный (точнее, бывший ссыльный, а ныне «инженер», «фельдшер» и по совместительству поэт) чувствует себя здесь вполне комфортно. То ли заранее знали о приезде Волошина, то ли мистическая случайность – но поселили изыскателей в гостинице «Франция». Вот тут-то всё и завертелось: «покупаем верблюдов и юрты... можешь себе представить, что я ведь еду в качестве фельдшера...» – пишет Волошин Глотову.

21 сентября 1900 года инженеры Вяземский и Волошин прибывают к пункту назначения. (Соответствующая информация появляется в «Туркестанских ведомостях».) Макс едет в местный арсенал для получения оружия и боеприпасов: понадобятся в изыскательской партии («меня даже сняли на извозчике с 12-тью берданками в объятиях»). Хочется на Памир. Правда, экзотики и здесь хватает: тигров «на Сыр-Дарье действительно много». Да и сам Ташкент, с арыками, пирамидальными тополями, окружённый «ледяными престолами» гор, впечатляет.

Но – ближе к делу. 6 октября изыскательская партия В. О. Вяземского (21 верблюд, 3 телеги) выходит в степь. Макс Волошин назначен начальником каравана и заведующим лагерем. Он быстро освоился. За четыре рубля приобрёл верблюжью шубу. Осмотрелся. Прислушался. «По целым дням в степи играет фата-моргана⁴... всюду фигуры верблюдов и юрты киргизов». А «на горизонте горы Каратау... Целый день провожу верхом в степи». А как иначе – ведь «степь можно действительно понять только верхом». Перед глазами – живая история: город Саурана, крепость, построенная китайцами, потом перешедшая к киргизам.

А последние три столетия в ней обитает лишь ветер. Но зато какой открывается вид со стены! «Впереди – бесконечная красновато-бурая пустыня, – пишет Волошин Готову, – чем дальше, – всё мутнее, всё синее и горы на горизонте. Всё ровно – ни холмика, ни деревца... Тишь полная. Слышно, как стелется по земле степной ветер... слышно, как звенит сухой „джюсан“... Под лучами заходящего солнца степь пылает красным пламенем. Всё, что было днём серо, плоско и бесцветно, теперь ожило и оделось в самые яркие, ослепительные краски. От старых стен поползли густые сине-фиолетовые тени... Горы розовеют и синеют. Всё становится ярче, ярче – и начинает постепенно потухать. Степь одевается сиреневато-пепельным оттенком».

Средняя Азия, Восток, пустыня, «исступлённо-синее» небо, осколки древних цивилизаций – всё это производит на поэта неизгладимое впечатление...

Застывший зной. Устал верблюд.
Пески. Извивы жёлтых линий.
Миражи бледные встают –
Галлюцинации Пустыни.
И в них мерещатся зубцы
Старинных башен. Из тумана
Горят цветные изразцы
Дворцов и храмов Тамерлана.
И тени мёртвых городов
Уныло бродят по равнине
Неостывающих песков,
Как вечный бред больной Пустыни...

Пройдут годы, и Волошин вернётся к этим впечатлениям своей юности, развивая их в глобальном историко-философском аспекте. Восток, Азия будут восприниматься им как пракультура, от которой тянутся европейские ответвления. По сравнению с восточной, китайской, например, европейскую культуру можно считать не более чем варварской. «1900 год, стык двух столетий, был годом моего духовного рождения, – пишет Волошин в „Автобиографии“. – Я ходил с караванами по пустыне. Здесь настигли меня Ницше и „Три разговора“ Вл. Соловьёва. Они дали мне возможность взглянуть на всю европейскую культуру ретроспективно – с высоты азийских плоскогорий – и произвести переоценку культурных ценностей».

⁴ Вид миража, при котором на горизонте появляются изображения людей и предметов, находящихся за горизонтом. – Ред.

Ну а пока что Макс занимается прозаическими делами. Ему как одному из начальников приходится следить за тем, как разбивают лагерь, вести хозяйство, исполнять некоторые технические обязанности. Бывают и развлечения, например ястребиная охота на фазана, весьма популярная у киргизов забава – «козлодрание». Впрочем, за этим «мероприятием» Волошин лишь наблюдает... Лёжа в юрте, поэт штудирует «Историю европейского романа» Петра Боборыкина, читает по-французски «Путешествие по Италии» Ипполита Тэна, причём находит у него сходные со своими оценки помпейской живописи (которая, по его мнению, превосходит живопись эпохи Возрождения). Постоянно вспоминает Париж. Много общается с Вяземским, обретая в нём настоящего друга. Но, главное, он рад, что кончилась наконец эта скучная «канитель с... университетом и юриспруденцией». Вот когда он вновь окажется в Париже, тогда-то и начнётся для него «настоящее учение». Но пока что он «в центре Азии, в том котле, где кипела всегда народная буря... затапливающая своим внезапным разливом низменности восточной Европы». Кипит она и сейчас: в Китае – «боксёрское восстание»⁵. С присущим ему чувством справедливости и сострадания Волошин понимает, что в очередной раз свершается какая-то «всемирно-историческая подлость». То же отношение у него и к Англо-бурской войне. Макса переполняет чувство негодования по отношению к европейцам – колонизаторам и варварам.

Между тем 22 (23) октября изыскатели прибывают в конечный пункт, селение Джулек – пять домов, на самом берегу Сыр-Дарьи. А кругом – «бесконечные заросли саксаула и кустарника, в котором живёт бесконечное количество фазанов и диких уток, так что, когда идём, то они вылетают из-под ног в разные стороны, как кузнечики из травы жарким летом. Их так много, что они даже на двор залетают. Заячьи уши так и мелькают в густых зарослях, в которых всюду идут узкие дорожки, протоптанные дикими кабанами, которые иногда невозмутимо проходят по главной улице городка...». Занятно. Экзотично. Но что дальше? Макс намерен добраться «пешком через Памир и Гималаи в Индию», а из Бомбея – до Порт-Саида на пароходе...

Но не все планы осуществляются. Памир, Индия так и останутся недостижимыми. Волошин с Вяземским вынуждены двинуться в обратный путь, к Туркестану, отдельно от каравана. Макс ведёт пикетаж и осуществляет глазомерную съёмку вариантов железнодорожной линии. Пройдя за пять дней 82 версты, 10 ноября друзья прибывают в город Туркестан. А спустя ещё пять суток они уже в Ташкенте. Здесь-то Волошин получает письмо матери, в котором она сообщает: «...дело студента Волошина оставлено без последствий». Зубатов даёт добро на возвращение в Москву. Но в университет Макса по-прежнему не тянет. В газете «Русский Туркестан» он публикует свои фельетоны, которые имеют успех среди ташкентских читателей. Однако надвигается зима. В строительстве дороги наступает перерыв. Надо ехать домой.

В душе поэта, во всём его существе идёт какая-то огромная и важная работа. И декабря он пишет А. М. Петровой: «Я чувствую в себе какой-то необыкновенный прилив сил... крылья мои всё растут и растут, мысль сбрасывает ветхие загородки». Волошин ощущает, что возможности его как поэта, публициста, мыслителя растут. К тому же важнейшим результатом пребывания в пустыне стала внутренняя гармонизация. «Надо всем было ощущение пустыни – той широты и равновесия, которые обретает человеческая душа, возвращаясь на свою прародину», – напишет поэт в «Автобиографии».

Наступает новое столетие. Волошин всё ещё в Ташкенте. Пишет статьи и фельетоны, изучает подшивки «Русских ведомостей» – его интересует всё, что касается китайских событий, встречается с Иваном Ивановичем Гейером, советником Областного управления, бывшим революционером, издателем газеты «Русский Туркестан», и Иваном Павловичем

⁵ Восстание в Северном Китае (1899–1901), поднятое тайным обществом Ихэуянь («Кулак во имя справедливости и согласия») и названное иностранцами боксёрским; подавлено войсками Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, России, Италии, Австро-Венгрии. – Ред.

Ювачёвым, также бывшим революционером⁶, ссыльным, путешественником, автором «Очерков Сахалина», в которых описаны впечатления от его пребывания на сахалинской каторге. Знакомством с этими людьми Волошин особенно дорожил. А Ювачёв поэта прямо-таки очаровал: «...какой-то совсем удивительный человек – примирённый, ровный... религиозный». Иногда к ним присоединяется сам вице-губернатор Туркестана Н. А. Иванов, сопровождаемый двумя полицмейстерами. Разность взглядов не мешает общей беседе «за чайным столом».

О своём «восточном» житье-бытье Волошин пишет Глотову: «Полдня я занимаюсь в конторе, а полдня читаю, пишу и занимаюсь с учениками». Макс публикует отдельными выпусками «Листки из записной книжки», содержащие впечатления от его путешествия по Европе, размышления об искусстве и философии; свои статьи в «Русском Туркестане» воспринимает как «материалы для будущих стихов».

Однако поэт чувствует, что засиделся на одном месте. В конце февраля он вместе с Ювачёвым покидает Ташкент. Самарканд. Асхабад. Баку. Тифлис. И далее «на почтовых» по Военно-Грузинской дороге – на Владикавказ. 4 марта 1901 года Волошин приезжает в так давно, казалось бы, покинутую им Москву. Впрочем, он уже начал привыкать к затяжным путешествиям. А в Москве тем временем неспокойно. В начале февраля началась Вторая всероссийская студенческая забастовка, охватившая 35 учебных заведений и 30 тысяч студентов. В Москве – массовые демонстрации, стычки с полицией. В Санкт-Петербурге разогнана студенческая демонстрация у Казанского собора. А ещё раньше, в декабре, 183 студента Киевского университета за участие в сходках были отданы в солдаты. Общественность протестует. На общей волне негодования Лев Толстой пишет письмо «Царю и его помощникам». Надвигаются грозные события...

Но Волошин, хотя и понимает, что «в России творятся ужасы», пока что переполнен другими впечатлениями. Он встречается с Ишеевым и Кандауровым, посещает художников Поленова и Досекина. А главное, он всем своим существом устремлён в Париж. Уже тогда, совсем ещё молодым человеком, Волошин наметил для себя жизненную программу, в основе которой одно стремление:

Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить,
Все формы, все цвета вобрать в себя глазами,
Пройти по всей земле горящими ступнями,
Всё воспринять и снова воплотить.

«Земля настолько маленькая планета, что стыдно не побывать везде», – напишет он матери из Парижа в конце 1901 года. Странствия, наблюдения, познание, вживание, воплощение впечатлений «чертой и словом» – вот основные вехи, намечающие жизненный путь художника и поэта...

«Программа» Волошина имела чёткие географические очертания и ясно выраженные цели: «Теперь туда – в пространство человеческого мира – учиться, познавать, искать. В Париж я еду... чтобы познать всю европейскую культуру в её первоисточнике и затем, отбросив всё „европейское“ и оставив только человеческое, идти учиться к другим цивилизациям, „искать истины“ – в Индию и Китай. Да и идти не в качестве путешественника, а пилигримом, пешком, с мешком за спиной, стараясь проникнуть в дух незнакомой сущности... а после того в Россию окончательно и навсегда» (из письма А. М. Петровой от 12 февраля 1901 года).

Увы, Индия и Китай так и остались для поэта неосуществлённой мечтой. А вот Париж

⁶ И. П. Ювачёв (отец поэта Даниила Хармса) был членом организации «Народная воля», пытался организовать убийство Александра III; осуждён на 15 лет тюрьмы, четыре года провел в одиночке Шлиссельбургской крепости, где раскаялся в своей попытке душегубства, став глубоко религиозным человеком; автор десяти проповеднических книг. – Ред.

оказывается преддверием:

В просторы всех веков и стран,
Легенд, историй и поверий,

становится школой художественного и поэтического мастерства. Волошин выработал такую установку: «Учиться в Париже, работать в Коктебеле». Поэт испытывает потребность «пройти сквозь латинскую дисциплину формы», и это ему удаётся. В технике стихосложения он достигает подлинных высот, осваивает наисложнейшее искусство сонета – немалое влияние оказал на него в этом плане парнасец Ж.-М. де Эредиа, чьи сонеты Волошин переводил в 1904 году. По словам самого поэта, он предпочитал учиться «художественной форме – у Франции, чувству красок – у Парижа, логике – у готических соборов, средневековой латыни – у Гастона Париса, строю мысли – у Бергсона, скептицизму – у Анатоля Франса, прозе – у Флобера, стиху – у Готье и Эредиа...».

22 марта 1901 года Волошин со своим другом Пешковским прибывают в столицу Франции. Но Александр, побродив по Парижу и осмотрев Бретань, вскоре уезжает в свой любимый Берлин, а Макс тут же принимается за «учёбу». Он посещает Луврскую школу музееведения, студии Уистлера, Стейнлена, натурные классы академии Коларосси. Именно здесь художник, по собственному признанию, впервые «подошёл к живописи», выработал свой стиль.

В академии Коларосси Макс Волошин впервые увидел «голое женское тело». Дальше – больше. Выйдя на бульвар Сен-Жермен, он знакомится у памятника Дантону с проституткой по имени Сюзанн. И что же? Надо сказать, что поэт с молодых лет ощущал некий внутренний диссонанс; если угодно, конфликт души и тела. В «Истории моей души» он пишет о теле как о чём-то внешнем по отношению к своей внутренней сути: «Я стыдился его». «Он», тело, превращается в дневниковой записи в самостоятельный персонаж. Вот как представляется Волошину лирико-драматический эпизод, который можно назвать «Я, Он и Сюзанн».

«Вечер. На тротуарах пятна света и полосы тени. Из аптечного окна лучится красное сияние. Каштанная листва около электрического фонаря кажутся бумажными. Воздух тёплый и сухой. Запах людей влажный... В голове стучит кровь. Час пред этим он видел голую натурщицу. Это было в первый раз в его жизни... Он поднял глаза, и женское тело (она стояла, заложив руки за голову, освещённая двумя фонарями с рефлекторами) поразило его своей обыденностью... И когда он вышел, была ночь... Вблизи – светлые пятна лиц. Иногда запах женского тела...»

У меня есть 20 франков, думал Он... Я считал преступным купить женщину, но Он никогда не считается с принятыми нравственными положениями. Он берёт жизнь как она есть... Женщина смотрит на него, и их глаза встречаются. Она сразу понимает его взгляд: в её глазах вопрос. Что-то сразу собирается у меня в груди, сжимается... Я перестаю чувствовать ноги, вдруг становится мучительно стыдно, и я быстро отворачиваюсь. И прохожу несколько шагов и останавливаюсь около памятника Дантону. Я чувствую, что она идёт за мной, но я не решаюсь взглянуть. Под рукой я чувствую тёплый шероховатый камень. И она проходит мимо меня и задевает точно случайно плечом. И опять что-то горячее стягивается у меня в груди. Я отрываю свою спину от памятника и иду за ней. Она на ходу оборачивается и улыбается мне. Затем останавливается на углу тёмного переулочка, где нет людей. У меня кружится голова, и я приказываю своим ногам идти туда, как то бывает в опьянении. И вот я подошёл, и я не знаю, как начать... Я готов убежать, но мне стыдно. Я стараюсь припомнить, что обыкновенно говорится в таких случаях, и говорю: „Вы мне позволите вас проводить?“

И я чувствую, что говорю не то... Мы переходим через улицу, и мне стыдно, что меня могут увидеть...

– Вы иностранец?

– Да, я русский.

– Погодите, я возьму ключ.

...Мы поднимаемся по лестнице, и она наклоняется, шаря в поисках замочной скважины. Я чувствую около себя юбку, дотрагиваюсь до неё робко пальцем и думаю: „Неужели это и есть?..“ Она зажигает спичку, и мы входим...

„У меня здесь собачка. Моя маленькая собачка“, – говорит она и берёт на руки крошечное дрожащее существо. Я делаю вид, что очень заинтересован собачкой, глажу её и говорю: „Какая хорошенькая собачка“...»

Опустим здесь занавес... Ночью поэт записывает в дневнике: «Я вовсе не чувствую ни сожаления, ни угрызений совести, ни отвращения, ни обаяния своего собственного падения, а скорей какое-то радостное освобождение от чего-то давившего столько долгих месяцев». Поставим здесь многоточие, отметив лишь, что художник воспринял этот эпизод как «важное событие» своей жизни.

Другим важным событием, правда, иного плана, стало знакомство Макса с художницей Елизаветой Сергеевной Кругликовой, хорошо знавшей Вяземских и Ювачёва. Вот как она его описывает: «1901 год. Ранняя весна. Париж, ул. Буассонад, 17. Ателье Давиденко и Кругликовой. Позирует модель-итальянец. Работают Е. Н. Давиденко, Б. Н. Матвеев и я. Стук в дверь. „Entrez!“ Стремительно появляется толстый юноша с львиной шевелюрой, в пенсне на широкой ленте и заявляет с изысканно-вежливым поклоном, что он имеет рекомендации со всех концов мира к Елизавете Сергеевне Кругликовой. „Я Макс Волошин“ – „Милости просим“, – отвечаю я, прерывая работу. „Садитесь“... „А можно и мне порисовать? Я никогда не пробовал“. Даём ему мольберт и бумагу, и он, пыхтя, усердно принимается за рисунок. В перерыве вопрос: „Ну как?“ Указываю ему ошибки... Он ещё усерднее работает и всё спрашивает: „А теперь уже хорошо?“ К концу сеанса – дружба на всю жизнь».

В мастерской у Е. С. Кругликовой тогда, в начале XX века, собирался весь цвет литературно-художественной богемы. К ней заходили К. Бальмонт и В. Брюсов, Вяч. Иванов и Н. Гумилёв (позднее), П. Боборыкин и А. Толстой, Н. Досекин и А. Бенуа, Р. Гиль и Р. Роллан. «Очень скоро, – вспоминает Елизавета Сергеевна, – Макс становится центром моего круга знакомых, бесконечно увеличивая его... При участии Макса создан Русский Артистический кружок в Париже».

Для Волошина ничто человеческое не чуждо. Ему всё интересно. «Музеи, выставки картин, театры, кафе, кабаре, фуары, рынки и т. п., – рассказывает Е. С. Кругликова. – Макс очень быстро изучил Париж до мельчайших подробностей и придумал интересные прогулки... Иногда прибежит ночью, перелезет через ограду и неистово стучит в дверь. Заставит подняться и тащит нас в Hailes Centrales (Центральный рынок. – С. П.), то на Монмартр, то ещё куда-нибудь, к восходу, солнца». С особым интересом Волошин посещает выставки Салона Независимых – сообщества художников, противопоставивших своё творчество традиционному, академическому искусству. Начиная с декабря 1884 года, когда были представлены не принятые в официальный Салон картины четырёхсот художников, эти выставки устраивались ежегодно под руководством высоко ценимого Волошиным Одилона Редона.

В разделе «Лики Парижа», составляющем пятую часть книги «Лики творчества», русский поэт воссоздаёт атмосферу этого нового французского искусства (глава «Вернисаж у Независимых»): «Здесь бывает весь Париж. Не тот „весь Париж“, о котором пишут в кавычках, Париж модный и блестящий, Париж салонов, снобов, эстетов-любителей, но настоящий весь артистический Париж, тот Париж, который ютится по мастерским и мансардам, который ищет, работает, учится, который презирает правительственное покровительство больших салонов, который пишет своим девизом „Pas de jury, pas de recompenses!“ (Ни жюри, ни наград. – С. Я.)... Фигуры длинноволосые, фигуры длиннобородатые, в необъятных бархатных шароварах, с широкими чёрными бортами, в остроконечных широких шляпах, вылезают в этот день из своих монмартрских и монпарнасских берлог, в которых ещё длится мгновение романтизма тридцатых годов...»

Корреспонденции Волошина о художественной жизни Парижа вскоре появятся в России – на страницах «Весов», «Аполлона», «Золотого Руна» и других периодических изданий. Расширяется круг знакомств с известными поэтами, художниками, скульпторами, декораторами и просто интересными людьми. В начале апреля 1901 года Макс Волошин наносит визит Александре Васильевне Гольштейн, бывшей народоволке и политэмигрантке, выступающей в печати с литературно-художественной критикой и переводами. Поэт «нашёл в ней человека, от которого веет какой-то живительной свежестью мысли». Быстро завязываются отношения; Александра Васильевна способствует вхождению Макса в артистическую среду, знакомит его с французскими искусствоведами.

Примерно тогда же Волошин и Кругликова посещают митинг французских писателей «для выражения протеста против русских безобразий». Макс отмечает «прекрасную речь» поэта-анархиста Лорана Тайада и вообще склонен думать, что Россия – на пороге революции. С юношеской наивностью он полагает, что в этом – «неожиданное счастье». Но, конечно, живёт он не этими мыслями. Его бытие укладывается в несколько слов из письма А. Пешковскому: «Дни провожу в библиотеке, вечера – в художественной академии». Он с удовольствием читает первую часть трактата Д. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», вместе с бывшей феоdosийкой Д. Бершадской присутствует на сионистическом собрании, слушает выступления врача, литературоведа и философа Макса Нордау. Ему всё интересно.

Но на одном месте не сидится. Волошина давно влечёт на Пиренеи, он уже заранее «покорён» республикой Андоррой, поскольку «об ней решительно нигде и ничего не написано». И вот начинаются сборы в дорогу. К Максy присоединяются уже упоминавшиеся художницы Елизавета Сергеевна Кругликова и Елизавета Николаевна Давиденко, а также академик живописи Александр Александрович Киселёв. Добываются «вверительные грамоты». Составляются маршруты. По-прежнему предпочитая отелям и проезжим дорогам ночёвки в хижинах и пешие переходы, Волошин выбирает в качестве отправного пункта ту самую Андорру, маленькое государство между Францией и Испанией, не имеющее, как говорилось в справочнике Бедекера, никаких достопримечательностей, «кроме первобытных нравов своих обитателей, государственного устройства да скромного дворца, который служил местом заседания государственного совета, местом ночлега для его членов, зданием суда, городской ратушей, школой и тюрьмой».

Жизненная энергия и творческая фантазия поэта в очередной раз передались, как всегда, его спутникам. В одночасье появляются географические карты, вырабатывается план действий. «По системе Макса, – вспоминает Е. С. Кругликова, – готовятся костюмы: какие-то необычайные кофты из непромокаемой материи с множеством карманов для альбомов, красок, кистей и карандашей, рюкзаки, сапоги на гвоздях, велосипедные шаровары, береты... Когда мы нарядились чучелами вроде Тартарена, то оказалось, что не только пешком нельзя двинуться, но в вагон едва влезешь...» Впоследствии всё лишнее пришлось отправить в Париж.

26 мая 1901 года путешественники прибывают в Тулузу. Далее – Тараскон. Предгорья восточных Пиренеев. В деревушке Марк заночевали на сеновале у лесника. Пробудившись в четыре часа утра, продолжили вояж. Путь лежал через горные склоны. Попадались какие-то подозрительные субъекты. Как стало известно, «республика живёт доходами от контрабанды между Францией и Испанией, меняя быков на сигары». Прибыв в крохотную столицу республики – город Андорра-ла-Вьеха, – путешественники пообщались с президентом, который не мог изъясняться ни на каком европейском языке, кроме андорро-испанского жаргона, осмотрели ратушу и гильотину, ни разу не действовавшую, но сохраняемую для устрашения. Как и прежде, решено было завести дневник путешествия, в котором надлежало записывать или зарисовывать свои впечатления. Дебютировал здесь, естественно, Волошин, который начал эту тетрадь своим стихотворением «В вагоне», написанном в поезде, где-то между Парижем и Тулузой. «Странником вечным / В пути бесконечном» представлялся поэт самому себе, и эта формула из раннего стихотворения Волошина как нельзя лучше

характеризует его в юности.

Ещё в «Журнале путешествия» за 1900 год М. Волошин сделал такую запись: «В путешествии не столько важно зрение, слух и обоняние, сколько осязание. Для того, чтобы узнать страну, необходимо ощупать её вдоль и поперёк подошвами своих сапог. В путешествии количество виданного всегда обратно пропорционально количеству истраченного и съеденного». К этому остроумному определению трудно что-либо добавить. Теорию молодой поэт и художник подтвердил практикой. Андорру, Балеарские острова (Майорку), Испанию он стремился исходить вдоль и поперёк. «Закрепить преходящий миг» увиденного и познанного помогали стихи, статьи, путевые заметки.

2 июня Волошин оказывается в Барселоне. По местной традиции посещает бой быков. Этому событию он посвятил статью, опубликованную в газете «Русский Туркестан». Отдавая должное красочности и драматизму зрелища, поэт тем не менее воздерживается от восторгов. «Христианские традиции всё-таки слишком сильны во мне, – сказал он одному мадридскому журналисту, – и когда лошадь наступает копытами на собственные внутренности, я никак не могу найти в этом наслаждение». На корриде писатель вспоминал толстовского Холстомера, «которого ведут, также с завязанными глазами, на бойню».

Зорким взглядом прирождённого журналиста Волошин выхватывает из толпы зрителей хорошо одетого мальчика лет семи, обхватившего рукой деревянный столб и дрожащего как в лихорадке, подмечает прислужников, засыпающих песком свежую кровь, описывает забавную погоню полицейских за добровольцем-тореадором, явившимся из числа зрителей амфитеатра, и грустно констатирует, что «с удивительным однообразием убивается шесть быков». Со свойственными ему мягкосердечием и парадоксальностью поэт отмечает, что «наиболее человечным и симпатичным лицом во всей этой истории» для него был именно бык.

Две статьи возникают вследствие пребывания Волошина на Майорке. Он с любовью описывает Вальдемосу, место, где Жорж Санд однажды провела зиму вместе с Шопеном, живя в келье старинного монастыря. Именно здесь, в Вальдемосе, рождается одно из самых светлых и звучных стихотворений Волошина – «Кастаньеты», посвящённое Е. С. Кругликовой. Опоэтизированное впечатление от вечера, проведенного в простом деревенском кабачке:

...Вечер в комнате простой,
Силуэт седой колдуньи,
И красавицы плясуньи
Стан и гибкий и живой,
Танец быстрый, голос звонкий.
Грациозный и простой,
С этой южной, с этой тонкой
Стрекозиной красотой.
И танцоры идут в ряд,
Облитые красным светом,
И гитары говорят
В такт трескучим кастаньетам.
Словно щёлканье цикад

В жгучий полдень жарким летом.

Столкнувшись с испанской танцевальной культурой, Макс испытал настоящее потрясение. В статье «По глухим местам Испании. Вальдемоса» он пишет: «Весь танец – это какая-то неуловимая сеть быстрых движений, полных южной, стрекозиной фацией. Всё танцует: всё тело, каждый мускул, каждая косточка, только руки почти неподвижно распротёрты в воздухе, точно стрекозиные крылья... Кастаньеты в исступлении рассыпаются на тысячи игл, на тысячи жгучих, отточенных солнечных лучей, веками

копившихся в сухом стволе оливы, из груди которой их вырезали...» Танец позволяет художнику лучше постичь душу испанского народа: «Всё то, что Италия поёт, – Испания танцует. Она танцует всегда, она танцует везде.

Она танцует обрядные танцы на похоронах у гроба покойника; она танцует в Севильском соборе на святой неделе свой священный танец перед алтарём в церкви как часть богослужения; она танцует на баррикадах и перед смертной казнью; она танцует перед началом боя быков; она танцует днём, танцует и в полуденный зной, танцует благоуханной ночью, когда звёзды отражаются в морской волне, а воздух „лавром и лимоном пахнет“».

Волошин посещает дворец эрцгерцога Людвига Сальватора, осматривает часовню, усыпальницу герцогов Сен-Симонов, наслаждается Вальдемозой, находя её прекраснее всего, что когда-либо видел. Хотя не всё так уж безоблачно. В Барселоне пропадает багаж поэта, в котором словари и другие необходимые вещи. Но Макс по природе своей не-унываем. Его ждёт Валенсия. Там, в портовом кафе, он как истый монмартрский художник делает портреты посетителей. Малага, Севилья – на этот раз в блокноте Макса наброски танцовщиц-гитан, работающих в жанре фламенко. Похоже, Волошин оценил пользу рисования для знакомства «со всякими классами», тем более – без знания языка. А ведь хочется ещё передать на бумаге драматизм корриды, сделать зарисовки «родины Дон-Кихота» Ла-Манчи...

Однако скоро поэта уже влечёт обратно в Париж. Отдав дань уважения Толедо и Мадриду, Волошин 9 июля 1901 года возвращается в столицу Франции. Его ждут любимые места: Сена, Тюильри, «Монмартр и синий, и лучистый. / Как жёлтый жемчуг – фонари. / Хрустальный хаос серых зданий... / И аромат воспоминаний...».

К СВЕТУ ИСКУССТВА – В ПАРИЖ...

Я – глаз, лишённый век. Я брошено на землю,
Чтоб этот мир дробить и отражать...
И образы скользят. Я чувствую, я внемлю,
Но не могу в себе их задержать.

Зеркало

В Париже Макс окунается в привычную жизнь. Он занимается в библиотеке Святой Женеьевы, записывается в Национальную библиотеку, посещает музей Гюстава Моро, изучает рисунки и литографии Одилона Редона (у Волошина – Рэдона), которые его потрясают. «Образы Рэдона – это реальность не из земного мира, – напишет Волошин в статье „Одилон Рэдон“ („Весы“, 1904, № 4). – Только в готическом искусстве французского XII века можно найти формы, подобные формам Рэдона... Его чувства так тонки, что впечатления жизни переходят предел боли, предел ощущаемого – у него нет вкуса к действительности... В каждом рисунке Рэдона есть бездонные колодцы, из которых одна за другой выплывают безымянные и бесчисленные формы...» Один из основоположников символизма в живописи, О. Рэдон был чрезвычайно популярен в среде московских символистов, возглавляемых Валерием Брюсовым. В начале 1904 года редакция журнала «Весы» по инициативе Брюсова активно пыталась привлечь Рэдона к сотрудничеству, готова была даже посвятить ему отдельный номер. Переговоры с французским художником взял тогда на себя Волошин...

Макс читает новый роман Октава Мирбо («21 день неврастеника»), переводит «мелкие рассказы» Анатоля Франса. Он пишет матери, что его привлекает история французского общества 1830–1840-х годов, что он штудирует Ренана⁷ и что его вдруг потянуло на книги

⁷ Жозеф Эрнест Ренан – автор многотомного труда «История происхождения христианства», а также